

9. Пратакол XIX Гомельскай абласной партыйнай канферэнцыі (1975) // Дзяржаўны архіў грамадскіх аб'яднанняў Гомельскай вобласці (ДАГАГом). – Ф. 144. Воп. 144. Спр. 1.

10. Письмо № 06/л-24 от 20.06.1987 г. // Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці // Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВц). – Ф. 2856. Воп. 7. Спр. 54.

11. Протокол № 2 заседания методического совета производственно-экономического образования и профессионального обучения кадров на производстве управления местной промышленности Витебского облисполкома от 4.05.1989 г. // Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВц). – Ф. 2856. Воп. 7. Спр. 194.

12. Протокол № 1 заседания методического совета по экономическому образованию управления местной промышленности Витебского облисполкома от 30.10.1985 г. // Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВц). – Ф. 2856. Воп. 7. Спр. 54.

13. Протокол № 3 заседания методического совета по экономическому образованию трудящихся и профессиональному обучению кадров управления местной промышленности Витебского облисполкома от 30.10.1986 г. // Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВц). – Ф. 2856. Воп. 7. Спр. 54.

14. Информация об итогах 1986/1987 уч. года в системе экономического образования по управлению Витебского облместпрома. 10.06.1987 г. // Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВц). – Ф. 2856. Воп. 7. Спр. 54.

15. О перестройке системы политической и экономической учебы трудящихся» коллективами предприятий (объединений) управления местной промышленности Витебского облисполкома (1988 г.) : Отчет-информация о выполнении постановления ЦК КПСС от 15.09.1987 г. // Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВц). – Ф. 2856. Воп. 7. Спр. 194.

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННО- РАЗЪЯСНИТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В. Л. Рожковский

*доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
учреждения образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»*

Эпоха трансформаций, становление постмодерна — не лучшие времена для устоявшихся представлений о информационно-разъяснительной работе, представлений, уместных в достаточно статичном мире, в котором, с одной стороны, устойчивая социальная реальность, с дру-

гой, — постигающий ее субъект. Цель разъяснительной работы состояла не только и не столько в трансляции представлений об обществе, сколько в формировании определенного отношения к существующему строю, в привитии правильного взгляда на вещи. Сознание тем или иным способом должно было соответствовать действительности. Сегодня обратное: не сознание подстраивается под реалии, а реальность под ангажированное сознание, его образы.

Стремительная трансформация социума, становление информационной цивилизации как на Западе, так и Востоке (для постсоветских стран, в придачу, адаптация к западным социально-экономическим и политическим институтам) не оставила места прочным устоям и идеологическим соответствиям. Проплаченное сознание повсеместно проросло двусмысленной неподлинностью, симулякром. Исчезло различие между реальностью и ее изображением, последнее (симулякр) — действительность и основа политики [1].

Цивилизационный разлом (модерн — постмодерн) проходит в тени баталий, уместных в далеком прошлом, однако захвативших бытийное пространство современного человека, «третью природу», ноосферу, сферу смыслов. На повестке дня становление нового типа отношений между людьми взамен институтов цивилизации фабричных труб, а в информационном пространстве настрой и понятия отшумевших буржуазных революций. Вместо преобразований социума манипуляции с прежними смыслами и сознанием человека (ведь изображение, образ — это и есть реальность).

Постмодерн позиционирует себя через противопоставление логоцентризму универсума прошлых эпох. Однако смерть «бога» и «субъекта», центров перспективы двумерных смысловых вселенных классики и модерна, не безобидная метафора. Хаос в головах и действительности, «смерть ценности» как таковой — утрата критериев для суждений и оценок (критики) социальных феноменов. «Дыра размером с бога в душе человека» (Ж.-П. Сартр), которую, как оказалось, не заполнить «ценностями» сытого домашнего животного (власть, деньги, известность).

Слишком велик, избыточен человек классики и модерна (творение божества и творец «второй природы»), однако жизни не знал, по мнению среднего европейца «как орудия всемирного разрушения» [2], «человека массы» [3], «одномерного человека» [4], наконец, «исключительного», который тщится быть мерой всех вещей.

Псевдодуховная настроенность человека из тиража, восставшей массы (стремление навязать всем свою волю, представления; нетерпи-

мость к альтернативам, иной позиции; прямое действие и пр. [3]) — прямая угроза для будущего ноосферы, третьей природы, да и первой, и второй тоже. Кто бы мог подумать, что голливудский шаблон (битва сил добра с силами зла) станет явью, бытием, смыслом современности! Однако образы фабрики грез — реальность. Цена же бездушия и духовных суррогатов (профанация и паразитирование на мощи образов прошлого) известна — миллионы невинноубиенных одичавшими одиночками, «борцами за веру» и верхушкой «исключительных» наций, государств.

Проблема не в том, что изображение — реальность («третья природа»), мир смыслов — бытийное пространство эпохи постмодерна), а в том, что она слепок ментальности «амбициозной недоросли» [3], антропологического тупика [5].

К сожалению, то, что было повседневностью для штатов, становится нашими буднями — безумцы с пилой в Минске, ружьем в Керчи, бомбой в Архангельске и пр. Оборотная сторона заимствованных институтов — упрощение человека. Заметим, разница между дядей Сэмом (государством) и его гражданами-социопатами только в одном — перед стрельбой они вышибают разные двери.

Из-за чего Армагеддон? Добро-то, что? Утратившие первоначальный смысл и оправдание (классовый антагонизм) западные институты, двусмысленные социальные феномены, продолжающие существовать, но не как реальность демократии и права, а симуляция того и другого? Исчерпав себя, они опора рабства (человек — средство), господства (выборы господ не отменяют господства), несправедливости [4], а образ прошлого трактуется как изображение современности. В странах же, где по собственному ли почину или по «принуждению к демократии и праву» приобщились к западным ценностям, имеет место, помимо гражданских войн и хаоса, обычная профанация некогда великих идей.

Симулякр (реальность, но не подлинность) — черта «заката Европы» [6], модерна, способ не только защиты интересов и привилегий тех, чье существование и благополучие связано с отжившими и растиражированными институтами, но и атмосфера третьей природы, чреватая апокалипсисом, пропитанная параноидальным бредом, провокациями и накалипью «внутреннего освобождения» (библейская битва, порошок Пауэлла, белые каски, вмешательство, однополые браки, «и я тоже» и пр.). Свою лепту вносят и способы работы «Министерства Правды» (Дж. Оруэлл). Онлайн, с места событий, без комментариев, обратная связь и пр. — лужавство. Видео- и аудиоряд не копия реальности, а информационный продукт, за которым ментальность, интересы и установки заказчика, взгляд

оператора, журналиста. Выбор сюжета из потока событий — оценка; из какого окопа — точка зрения. Возмутились фейком, стали оправдываться — вымыслы зажили собственной жизнью.

Удручающая картина декаданса ноосферы. Вместо глубины, многомерности, одухотворенности мира и человека; дерзновений по переустройству среды обитания и самого себя — «исключительный» и унификация. И все же среди плевел ростки постмодерна. В частности, социальные сети как прообраз институтов будущего. Даже «и я тоже» отсылает к сути современной эпохи: за претензией к продюсеру, лицу, бунт (зачастую не очевидный для самих участниц) против сложившейся системы господства, укорененной в институтах, с ее «правом первой ночи». Тернист путь наверх при прежнем укладе.

Постмодерн позиционирует себя как дискурс без потусторонних причин и целей, процесс, в котором снимаются различия между реальностью и ее изображением, субъектом и объектом, причиной и следствием. Дискурс сродни гегелевской субстанции-субъекту, самоосуществлению, где нет места ни означенным оппозициям, ни центрам перспективы. Однако в реальности «смерть субъекта», дерзновенного творца второй природы, наступила не по причине постмодернистской трансформации — он пал под тяжестью своих достижений, объективированных институтов, «дискурсов», клонирующих евро-американца. Для формирующейся транссубъективной смысловой вселенной перманентный процесс становится альфой и омегой миропонимания. Вначале было слово, и слово было делом, творением, синкретизмом мысли, воли, практики.

Идеология постмодерна связана с идеей межличностного коммуникативного дискурса (техсредства позволяют) как формы общественных отношений, как инструмента-института взамен социально-политических и межличностных отношений, присущих модерну и наследию классики, дискурса, процедурными условиями которого являются: справедливость и духовное раскрепощение, суждения участников не должны быть мотивированы социальным положением, этнической, религиозной принадлежностью, истиной в конечной инстанции и пр., а целью — личной заинтересованностью в справедливом обществе и участием в этом начинании [7].

Постмодерн не нечто предрешенное, а лишь возможность. Каким порядком (формой и бытийным смыслом) прорастет третья природа без божественного провидения, ценностей субъекта и законов общественного развития: ментальностью ли клона цивилизации, дискурсом под знаком справедливости и экзистенциальной свободы или еще как — открытый вопрос и вызов системе информационно-разъяснительной работы.

На изломе эпох в мире социальных феноменов наметилось два разлома. В мире симуляций — «силы добра» на одной стороне, на другой — «силы зла», не избранные. И противостояние модерна и постмодерна, институтов и «элит» прошлого (без разницы, из стана ли добра или зла) против угроз, связанных с трансформацией социума, со становлением нового типа отношений между людьми.

Чем является (или будет являться) информационно-разъяснительная работа с населением, зависит от ставящихся перед ней задач и процессов, в которые она тем самым вовлекается: в «европейничанье» [7] или в радикальную трансформацию социума. Становление третьей природы, бытийного пространства человека, изображения как реальности эпохи перемен состоялось. Содержание же изображения (означаемое «подлинность — не подлинность») — дело информационной работы. Ее удел или быть средством, обслуживающим интересы привилегированных слоев модерна, или дорасти до межличностного коммуникативного дискурса как формы общественных отношений, самодостаточного способа производства сознания, бытийного смысла нового универсума.

После европейского выбора, играя на чужом поле, мы вольно (интересы новых слоев) или невольно (как силы зла) на стороне симулякра, не подлинности! Парируя обвинения в недемократичности, присягаем на верность западным институтам, их образу. Информационно-разъяснительная работа, «пропаганда сил зла», втягиваясь в библейскую битву и оправдываясь по каждому поводу и без повода, используется «втемную».

Будущее не впереди — третья природа, ноосфера уже в наличии, и производство сознания идет полным ходом. Однако сознание, пропущенное через рынок, становится товаром (прибыльным делом), через «жернова» политической системы, «демократии» — ядовитым, заряженным на самоуничтожение продуктом. И какая при этом разница, кого, куда и под какими знаменами вы выбираете, результат один — «избранные», «сливки общества», одержимые инстинктом самосохранения, собственными интересами и параноидальными идеями, — залог апокалипсиса.

Межличностный коммуникативный дискурс как институт не прихоть, а условие самосохранения, позволяющее непосредственно, минуя институты модерна и так называемых представителей, слуг народа, определять бытийный смысл третьей природы и тем самым свою судьбу.

Смена эпох — уникальная возможность осуществить прорыв, преодолев извечную болезнь русской жизни, «европейничанье», обрекающее на подражательство и место в европейском обозе. Дело за малым — за личной заинтересованностью и прочтением «информационного обще-

ства» не в терминах индустриальной цивилизации, а как способ присутствия, бытия человека, ткань которого — сеть межличностных коммуникативных дискурсов.

Список основных источников

1. Бодрийяр, Ж. Симулякр и симуляция / Ж. Бодрийяр // Режим доступа: <http://exsistencia.livejournal.com/>. – Дата доступа: 11.11.2018.
2. Леонтьев, К. И. Избранное / К. И. Леонтьев. – М. : Рарогъ, Московский рабочий, 1993. – 400 с.
3. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет // Эстетика. Философия культуры. – М. : Искусство, 1991. – С. 309–350.
4. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г. Маркузе. – М. : REFL-book, 1994. – 368 с.
5. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра : Соч. в 2 т. / Ф. Ницше. – М. : Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 6–237.
6. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. – Новосибирск, ВО «Наука», 1993. – 592 с.
7. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас ; пер. с нем. под ред. Д. В. Складнева, послесл. Б. В. Маркова. – М. : Наука, 2000. – 380 с.

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ МОГИЛЕВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОО «БРСМ» ПО ФОРМИРОВАНИЮ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ МОЛОДЕЖИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

А. А. Строганов

первый секретарь

Октябрьского районного комитета ОО «БРСМ»

В. В. Мельников

курсант учреждения образования

*«Могилевский институт Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»*

Мы живем в эпоху новой общественно-экономической формации — информационного общества. И не секрет, что для максимальной эффективности любого идеологического мероприятия его необходимо осветить в средствах массовой информации и коммуникации.